

МАНИФЕСТ К ПЕРВОМУ ВЕЧЕРУ ДАДА В ЦЮРИХЕ В 1916 ГОДУ

Гуго Балль

Дада — это новое направление в искусстве. Если до сих пор никто ничего об этом не знал, то завтра об этом будет говорить весь Цюрих. Слово «дада» взято из словаря. Все ужасно просто. По-французски оно означает детскую игрушку — лошадку на палочке. По-немецки — адьё, пожалуйста, оставь меня в покое, до свидания, другим разом! По-румынски — да, в самом деле, вы правы, это так, конечно, действительно, договорились. И так далее.

Интернациональное слово. Всего лишь слово, и слово как движение. Все просто ужасно. И если из него создается направление в искусстве, то лишь для того, чтобы предупредить возможные осложнения. Дада — психология, дада — литература, дада — буржуазия, да и вы, уважаемые поэты, творившие всегда при помощи слов, но никогда сами не создавшие ни одного слова, — вы тоже дада. Дада — это мировая война, не имеющая конца. Дада — революция, не имеющая начала. Дада — это вы, друзья и стихоплеты, дражайшие евангелисты. Дада — Тцара, дада — Гюльзенбек, дада — м'дада, дада — хм'дада, дада — Гю, дада — Тца. Хотите достичь вечного блаженства? Произнесите: «Дада». Хотите стать знаменитым? Произнесите: «Дада». С благородными жестами и изящными манерами. До полного помешательства, до потери чувств. Как ликвидировать все склизкое и журналистское, все ладное и складное, все заморализованное, зарифмованное и разукрашенное? Произнесите: «Дада». Дада — это вселенская душа. Дада — это кульминация. Дада — это самое душистое цветочное мыло в мире. Дада — господин Рубинер, дада — господин Корроди, дада — господин Анастасий Лилиенштейн.

По-немецки это означает: выше всего следует ценить гостеприимство Швейцарии, а в эстетике все зависит от принятых норм.

Я читаю стихи, цель которых ни много ни мало, как отказ от языка. Дада — Иоганн Фуксганг1 Гёте, дада — Стендаль. Дада — Будда и Далай Лама. Дада — м'дада, дада — м'дада, дада — хм'дада.

Все дело в связи, которую вначале нужно слегка нарушить. Я не хочу пользоваться словами, которые придумали другие. А все уже существующие слова придуманы другими. Я хочу творить свое собственное безобразие, используя соответствующие гласные и согласные. Коль размах в семь локтей, так и слова нужны под стать ему. Слова же господина Шульце едва дотягивают до двух с половиной сантиметров.

Мы можем присутствовать при рождении нового членораздельного языка. Я просто произношу звуки. И возникают слова — плечи, ноги, руки слов. Ай, ой, у. Не надо, чтобы слов было много. Стихи дают возможность обходиться вообще без слов и языка. Этого проклятого языка, грязного, как руки маклера, мусолившего деньги. Я хочу безраздельно владеть словом, от момента, когда оно только зарождается, до момента, когда оно исчезает вновь. Для обозначения любой вещи существует слово; таким образом, само слово уже стало вещью. Так почему же тогда дерево нельзя назвать пуплюшем, а дерево, мокрое от дождя, пуплюбашем? И почему оно вообще должно как-то называться? Нужно ли, чтобы мы по всякому поводу разевали рот? Слова, слова, вся беда именно в них; создание слова, господа, — это общественная задача первостепенной важности.

*1Автор преднамеренно изменил настоящее имя Гёте Вольфганг (которое является по сути своей именем говорящим: вольф — волк, ганг — поступь, походка) на Фуксганг (фукс — лиса).
Получилась игра слов, в корне меняющая образ. (Примеч. пер.)*